

завтра

АЛЕКСАНДР
ПРОХАНОВ

СВОЙ — ЧУЖОЙ

А. Проханов: Мне известно, что судьба свела вас в камере с полковником Квачковым. Как вы общались? Как враги? Оппоненты? Товарищи по несчастью?

М. Ходорковский: Мы, конечно, изначально были и остались оппонентами, но это не значит, что в будущем у нас не может быть общих проектов и задач. Когда Квачкова переводили в другую камеру, он сказал мне: «До встречи на баррикадах!» Хочу сегодня ответить: «До встречи на свободных демократических выборах!» С таким человеком можно, что называется, ходить в разведку.

В. Квачков: Представьте картину: на верхней «шконке» сидит, поджав ноги, еврейский миллиардер-либерал, а на нижней — напротив — русский офицер. Политические дискуссии по пять-шесть и более часов в день. Вначале общение было настороженным, потом — открытым и интересным. А в конце месяца — достаточно теплым и даже дружелюбным. Общая камера делает свое дело. Михаил Борисович, здоровья и мужества вам в борьбе. До встречи на свободе в национальной, в русской России!

А Л Г О Р И Т М

Александр Андреевич Проханов

Свой – чужой

Издательский текст

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=181176

Свой – чужой: Алгоритм; М.; 2007

ISBN 978-5-9265-0461-0

Аннотация

Последние двадцать лет Россия в пожаре. Нет спокойствия на Кавказе, нет его и во всей стране. И как в годину испытаний появляются полководцы, Ильи Муромцы – защитники Отечества, так и сейчас на переднем рубеже политической борьбы Александр Проханов, блестящий писатель и публицист, главный редактор газеты «Завтра». Герои его новой книги – президент Беларуси Александр Лукашенко, военный разведчик полковник Квачков, лидер движения ХАМАС доктор Халед Мишаль, Александр Лебедь и многие другие политические деятели. Одни уходили из политики или умирали, другие врывались в нее как метеоры. Он беседовал с ними, даже с врагами. Это издание – лишь малая часть бесед. В них выражено время, люди, он сам.

Содержание

ПОЛИТИКА – ЭТО ЛЮДИ	4
Владыка Иоанн (Снычев), митрополит Санкт-Петербургский и Ладожский: «РОДИТЬСЯ РУССКИМ ЕСТЬ ДАР СЛУЖЕНИЯ»	5
Александр Невзоров: «ЕСТЬ БОЙЦЫ, НО НЕТ ЕЩЕ АРМИИ»	32
Конец ознакомительного фрагмента.	50

Александр Проханов

Свой – чужой

ПОЛИТИКА – ЭТО ЛЮДИ

Вместо предисловия

Двадцать лет я в политике. Политика – это не только идеи, демонстрации, баррикадные бои. Это прежде всего люди. Одни уходили из политики или умирали, другие врывались в нее, как метеоры. Я беседовал с ними, даже с врагами, находя доступ к их сознанию, выясняя их мотивы.

Предлагаемая коллекция интервью – лишь малая часть этих бесед. В них выражено время, люди, я сам. Быть может, это окажется интересным для других.

Владыка Иоанн (Снычев), митрополит Санкт- Петербургский и Ладожский: «РОДИТЬСЯ РУССКИМ ЕСТЬ ДАР СЛУЖЕНИЯ»

Александр Проханов: *Владыко, у меня, как у всякого человека, остро переживающего злодеяние октября 1993 года, постоянно меняется отношение к случившемуся. Я был связан с этим непосредственно, пострадали мои друзья. Сердце изначально чувствовало беду, трагедию. И в первые дни после огня, танковой стрельбы, погребения жертв я испытывал ужас, человеческий ужас – ужас от потери товарищей. А потом этот ужас сменился какой-то печалью, апатией, унынием. Казалось, что проиграно большое дело, что это кровопролитие не пройдет бесследно для всей нашей многострадальной истории. Но по мере того, как проходило время и я все больше и больше узнавал о содеянном, уныние стало сменяться странным ощущением света. Появилась надежда, что эти жертвы, эти смерти не были просто какой-то кровавой нелепостью. В этом есть какой-то провиденциальный, русский и даже православный смысл. Мученики, выступавшие кто за Веру, кто за Отечество, кто за На-*

род, погибли не зря. Их смерть искупает окружающую нас мерзость, грязь, свинство, воровство, распад... Например, мой товарищ Станислав Терехов, который был схвачен первым, страшно избит и брошен в каземат (я недавно общался с его женой), сказал, что он собирается там креститься. А ведь он представитель красной военной организации – «Союза офицеров». Более того, он хочет там, в тюрьме, и обвенчаться с женой. Мне кажется, это связано с духовным преображением, и я хотел бы услышать Ваше мнение: прав ли я, как нужно ко всему этому относиться, каков духовный смысл недавних событий?

Владыка Иоанн: Тот пример, который Вы привели с Тереховым, я думаю, очень показателен. «Союз офицеров», насколько я знаю, сотрудничал с целым рядом православных братств в Москве и в Петербурге. И креститься Терехову предлагали давно, так как он всегда относился к Православию с большим почтением. Но, видимо, что-то его не пускало, что-то мешало. И будучи человеком честным, он, наверное, не желал делать шаги на потребу публики. Необходим был какой-то внутренний сдвиг. Слава Богу, если он произошел после событий «черного октября».

Еще древние греки ввели в философию такое понятие: «катарсис» – очищение через трагедию. И вероучение Православной церкви говорит, что любое нравственное совершенствование возможно только через скорбь. Человек оплачивает свое духовное возрастание теми тяготами, которые

встречаются на его пути, тем терпением, тем умением пережить боль, которые свойственны лишь опытным и мудрым. Беда лишает человека ощущения внешнего благополучия и заставляет пересматривать свое духовное состояние. И первый шаг на пути христианского совершенствования – это признание своего неблагополучия. Шок, духовная встряска.

Когда такое происходит, человек начинает чувствовать, что в жизни его что-то неверно, чего-то не хватает. И если он будет при этом, не боясь, задавать самому себе неприятные, «проклятые» вопросы – он неизбежно придет в Церковь, придет к религиозному мироощущению, к пониманию того, что без Бога невозможно полноценно существовать. «Кого я люблю, тех обличаю и наказываю», – говорит Господь (Апок. 3: 19). Главное, чтобы наказание пошло впредь, чтобы вслед за духовным прозрением последовали раскаяние в грехах и перемена жизни.

А что касается произошедшего в октябре вообще, то нужно иметь в виду вот что. Во-первых, ничего сверхъестественного и неожиданного не случилось. Русская история вся катастрофична. Вся. Катаклизм на катаклизме, катастрофа на катастрофе. Русский народ, неся через века православную идею воплощения истин веры, идеалов праведности и милосердия в окружающую жизнь, бесконечно «продирается» сквозь те обстоятельства, которые ему в этом препятствуют. В несовершенном земном мире зло очень активно борется с добром. И когда те или иные Божественные принципы ре-

ализуются в жизни, они неизбежно встречают упорнейшее сопротивление.

С этой точки зрения ничего удивительного в октябрьских событиях нет. Это всего лишь очередное препятствие на пути русского возрождения. Но надо понимать, что в то же время это чрезвычайно серьезное предупреждение. Если мы не сделаем необходимых выводов, не сумеем переломить отрицательные тенденции в жизни российского общества, если не сумеем заставить себя вернуться на исторический путь развития и соединить прерванную после революции 1917 года связь времен, то тогда пролитая в октябре кровь окажется пролитой напрасно.

Что касается исхода тех событий, то мне он представляется не поражением народа, а своего рода победой, ибо было очень сложно предположить, что после невероятных испытаний, которые претерпел русский народ за последнее столетие, после глумления последних восьми лет «перестройки» найдется столько людей в Москве, которые придут к Белому Дому. Ведь их было очень много.

И это несмотря на то, что на противоположной стороне стояла сила и власть, многовековая традиция послушания которой столь свойственна русскому человеку. Несмотря на то, что противоположная сторона располагала средствами массовой информации, несмотря на то, что лидеры оппозиции не являлись привлекательными для массового сознания. То есть народ шел «за идею». Это, кстати, ускользает от

многих аналитиков... На противоположной стороне все ясно. Туда шли за блага, «за власть». Там все было психологически комфортно. Здесь же – сплошной дискомфорт. Даже общего лидера, даже единого знамени не было. А люди шли. Значит, заряд духовной энергии в обществе на деле значительно выше, чем нам кажется.

Александр Проханов: *После этой беды, когда кризис в России стал еще глубже, страшнее, когда общество стало еще более разделенным, власть имущие задумали ряд проектов – с тем, чтобы закрепить достигнутый уровень победы и затормозить сползание в окончательный хаос, гражданскую смуту, неповиновение и общерусскую катастрофу. Среди всех этих политических и культурно-идеологических проектов меня занимает один – о котором пока еще открыто не говорят, но начинают шептаться в кулуарах, в политических клубах, которые всегда считались традиционно республиканскими. А поговаривать начинают о реставрации монархии. Монархический проект рассматривается под разными углами, всплывают различные его контуры. Один, например, предполагает превращение нынешнего президента в патрона, в регента молодого цесаревича, который будет венчан на царство и станет Государем Российским. Другой проект предполагает прямое избрание царя, связанное с созывом собора – общерусского, всесловного... И это удивительно! Когда я был молодым человеком, мне казалось невозможным даже подумать о возрождении Право-*

славия. А мой друг (недавно рукоположенный в священнический сан) уже тогда говорил: «Все в руках Божиих. Возможно чудо. На тех руинах, на которых мы с тобой стоим (а мы стояли на руинах Новоиерусалимского монастыря), поверь, при нашей жизни будет восстановлена обитель. И, может быть, мы станем братьями в этой обители...» Я ему не верил, иронизировал, но действительно – чудеса совершились! И не только в церковной жизни. Восстановление монархии в России еще двадцать лет назад не обсуждалось вообще. Это была греза, мечта крохотной группы экстравагантных монархистов, которых можно было сыскать в отдельных православных кругах. В светской среде их вообще не было. А теперь греза стала по существу почти реальным политическим проектом, который может осуществиться даже нынешним летом. И вот что мне хотелось услышать от Вас. Я понимаю, что ортодоксальное православное сознание в идеале мыслит русский государственный институт в традиционной для России монархической форме: православная монархия. И не усеченная, конституционная – а самодержавная, связанная с мистикой Помазания на царство, освященная Церковью, Христом. Но не может ли случиться так, что сегодняшние проектировщики монархии заложат в нее по существу атеистический контекст? Тем более что сословий, которые в свое время вырабатывали, вынашивали, обеспечивали осуществление монархии, уже нет. Нет аристократии, с которой монархия выходила в свет,

питалась ее соками, нет и дворянства, которым она затем поддерживалась через воинские институты. Каким же образом можно возродить монархию в нашем постиндустриальном обществе, не превратится ли это великое дело в профанацию, в бутафорию, в дискредитацию идеи, не является ли это механическим, преждевременным действием, не заложено ли в этот проект лукавство? Не привезут ли нам в табакерке какого-нибудь заморского царя? Я убежден, что Церковь далеко не безразлична к этим вопросам...

Владыка Иоанн: Во-первых, надо сказать, что на протяжении долгих столетий основные зиждательные начала русской жизни определялись знаменитым лозунгом – «Православие, Самодержавие, Народность». Формально он был предложен графом Уваровым в начале XIX века, но реально определял всю русскую жизнь с эпохи царствования Иоанна Третьего, с того момента, как оформилось централизованное русское православное государство.

Нужно иметь в виду, что этот лозунг не есть плод какого-то произвольного человеческого измышления, а констатация объективного факта – того, что гармонично устроенное общество должно содержать в своей основе три важнейших элемента: духовный, государственный, национальный. Элемент духовный – Святое Православие. Элемент государственно-организующий – Самодержавность. Причем самодержавие можно рассматривать на трех различных уровнях, и все три рассмотрения будут вполне справедливы. Первое.

Можно рассматривать его как определенный политический механизм, при котором верховная власть в государстве, ничем не ограниченная, принадлежит монарху. Это механическое рассмотрение, но правильное. Второе. Можно рассматривать самодержавие как государственное устройство, при котором вся полнота власти, определяющей положение дел в стране, принадлежит ее внутренним государственным институтам.

Вот, скажем, сегодня Россия не является самодержавной страной с этой точки зрения, потому что она наполовину управляется из-за рубежа. Россия также не являлась самодержавной страной, когда она находилась под властью татаро-монголов, поскольку ханские баскаки поставлялись в Сарае и ярлык на княжение русский князь получал там же, у Великого хана. Сегодня вполне можно провести некую аналогию между двумя этими эпохами.

И есть третий уровень понимания самодержавия. Он в первую очередь свойственен русской душе и является уровнем церковным, духовным. Самодержавие в этом случае рассматривается как нравственно-религиозное состояние общества, соборной народной души. Когда народ признает, что он желает жить не под властью Ивана, Петра, Сидора, не под властью каких бы то ни было «правовых» систем, созданных слабым и растленным человеческим разумением, но стремится устроить свою земную жизнь в соответствии с законом Божиим, с тем Высшим Законом праведности, любви

и милосердия, который дан человеку в Откровении. И тогда народ, добровольно склоняя выю свою «под иго и бремя» Христовых, Евангельских заповедей, всю государственную структуру страны венчает фигурой Помазанника Божия – Русского Православного Царя. Все эти три уровня понимания законны и допустимы. Но нас, конечно, должен привлекать прежде всего духовно-мистический уровень.

И последний элемент уваровской триады – Народность. Он предполагает наличие конкретного соборного носителя религиозно-нравственных идеалов. Итак: православный духовный фундамент, державная государственная форма и народ как соборный носитель нравственного идеала – такова универсальная формула гармоничного общественного устройства. И мы никуда от нее не уйдем. Можно пытаться ее оболгать, оскотить, наклеить на нее «черносотенный» ярлык или объявить устаревшей, несовременной и неосуществимой – но тщетно. Любое общество, начиная с Древнего Египта с фараонами во главе и кончая современной космополитической Америкой с ее «этническим котлом», живет по этим трем основным законам.

Весь вопрос в том, конечно, какие духовные и религиозные начала положены в их основание. Сегодня на Западе это, к сожалению, откровенно богоборческие, христоненавистнические начала. Что касается современной России, то в первую очередь надо сказать, что монархию нельзя установить сверху, как нельзя приказать человеку «быть верую-

щим». До этого состояния народ должен дорасти. И есть ряд признаков, по которым можно судить, что процессы такого духовного роста идут. Ведь то, что мы сейчас наблюдаем на Руси, есть чудо.

По всем человеческим меркам, по всем рациональным расчетам здесь давно должна быть духовная пустыня, все должно быть выжжено и уничтожено. Нас душили, травили, умерщвляли почти целое столетие! Думаю, что те закулисные архитекторы, которые планировали для России эти страшные сценарии, считали, что восстановить жизнеспособность русского народа не удастся уже никогда. Во всяком случае, в течение достаточно долгого времени, которого им хватит, чтобы запустить здесь новые механизмы уничтожения, которые будут на новом уровне пережигать, перемалывать возрождающиеся духовные энергии русского народа.

Но – человек предполагает, а Бог располагает. С 1985 года прошло-то всего ничего – восемь лет, а с момента первого шока (август 1991-го) – три года. Тем не менее изменения идут стремительно. Особенно, конечно, в мироощущении тех элитарных групп населения, которые в значительной мере определяют состояние общества. И эта скорость делает возможным существование тех проектов, о которых Вы говорите.

Мне уже приходилось слышать о них с разных сторон. Я бы сказал так. Мне на сегодняшний день не представляется реальной возможность восстановления в рамках существующих

ющей политической структуры тех духовных идеалов, которые позволили бы придать Российской государственности монархические формы. Нельзя напялить на собаку фрак и выдать ее за джентльмена. А косметические, поверхностные изменения в этой ситуации ничего не решат.

Если же изменения будут более глубокими, то они задевают в народной душе те механизмы, пробудят те энергии, влиять на которые уже не сможет никто. Идеи православной государственности настолько глубоки, настолько погружены в мистическую сущность народной стихии, что если кто-либо действительно решит поиграть с этими вопросами, то я больше чем уверен, что результат для него будет совершенно непредсказуем.

Что касается вопросов конкретных, связанных с теми или иными именами, то нужно отдавать себе ясный отчет в том, что Дом Романовых на сегодняшний день чрезвычайно разобщен. И, скажем, отношение к наиболее известным в России представителям Дома Романовых – Марии Владимировне, Леониде Георгиевне и «наследнику» Георгию – в среде самих Романовых чрезвычайно неоднозначное. Объединение Дома Романовых, например, прямо отказывается признавать их Великокняжеское достоинство и т. д. Так что любые попытки сегодня каким-то волевым усилием решить эту задачу обречены на провал. Нужно быть предельно наивным человеком, чтобы не понять, какие цели преследуют ныне пропагандисты такой мнимой «реставрации».

Если же говорить о Соборе, то дело в том, что настоящий Собор должен соответствовать церковным канонам и русским национальным традициям. А если мы рассмотрим с Вами историю Соборов русских, то обнаружим, что они обладают целым рядом черт, резко затрудняющих всякие политические манипуляции с ними. Те люди, которые сегодня пытаются использовать соборную идею для своих целей, вынуждены будут или выдавать за собор какие-то самочинные сборища, или столкнуться с непреодолимыми сложностями.

Я считаю, что сейчас в России надо пока задействовать различные «предсоборные» механизмы. Мы всеми путями должны способствовать созданию тех или иных общественных форм самоорганизации, которые могли бы затем стать опорами при подготовке Земского Собора. И тогда этот процесс рано или поздно придет к своему логическому завершению. Собор же будет настоящим Собором тогда, когда он на деле объединит русский народ, когда результатом его станет всенациональное, общенародное сплочение вокруг единого высокого идеала, который позволит Руси подняться в полный рост, позволит народу вспомнить свои древние исторические корни, осознать свое высочайшее религиозно-нравственное призвание.

И когда народ свободно, осознав это, скажет: «Ей, Господи, мы признаем Заповеди Твои своими законами, своими обязанностями, своим служением и долгом и будем в соответствии с ними действовать, строить жизнь личную и госу-

дарственную», – вот тогда это будет Собор. И такой Собор сможет избрать монарха.

Александр Проханов: *Не обязательно Романова?*

Владыка Иоанн: Конечно. Дело в том, что «правовая юрисдикция» Собора не ограничена. Ибо он выражает мнение всей Земли Русской, соответствующее тем нравственным и религиозным нормам, которые опираются на неколебимое основание всеблагого и всесовершенного Закона Божия.

Александр Проханов: *У современных политологов есть такой термин, как социальная психология. И в аналитических центрах и группах есть социальные психологи, которые исследуют общественный психологический фон, в котором следует осуществлять те или иные мероприятия. Конечно, это тонкая, рафинированная специальность, обладающая изысканной методологией. Профессионалам удастся понять состояние умов общественности по горизонтальным и вертикальным срезам на всем пространстве России. Но для того, чтобы понять духовное состояние народа, у современного общества очень мало инструментов. Полагалось, что в атеистическом обществе таким «чувствищем» должна быть культура. Художник, писатель «выполнял обязанности» духовидца. И он, как мог, пытался справиться с этой ролью, отчасти заменяя священника, заменяя человека, который как бы профессионально понимает саму проблему души. Иначе как же можно узнавать*

духовное состояние человека или общества, отрицая наличие души как таковой, не понимая тех процессов, той синусоиды, по которой движется душа от рождения, от восхитительного вхождения в жизнь, через грехопадения, через попытки избежать или искупить грех, через подвиг духовный... И вот сегодня, когда Церковь, которой тоже, конечно, очень трудно, тем не менее увеличивает свое влияние, свою силу, свою светоносность, Вы, Владыко, многими людьми: и православными, и неправославными – воспринимаетесь как духовный лидер, как человек, исполненный светоносных знаний, как духовидец, у которого есть промыслительный взгляд на сегодняшнюю Россию. Недаром к Вам тянутся люди. Поэтому, наверное, и мне хочется спросить именно у Вас: есть ли ныне какое-то слово, какая-то формула, какая-то идея, которая могла бы помочь русским соединиться, сочетаться, преодолеть раскол, нарастающую вражду, предотвратить катастрофический взрыв. И если монархическая идея еще не созрела, то на какой основе можно сейчас объединить нацию?

Владыка Иоанн: Мне, во-первых, не кажется, что мы стоим на пороге катастрофического взрыва. Одним из важнейших результатов октябрьских событий является обоснованный вывод, что гражданская война в России сегодня почти невозможна. Запалить ее будет очень сложно. Вот Вы говорили о социальных психологах. Но в России все те многократно опробованные, просчитанные, основанные на гигант-

ском многовековом опыте социальные технологии, которые были запущены в целях ее разрушения, провалились. Ни одна из них не дала ожидаемого результата. Они реализовывались почти полностью. На 80, на 90 процентов. Но вот это «почти» всегда перечеркивало конечный результат.

Александр Проханов: *Академик Шафаревич отметил как-то, что понятие русофобии справедливо в обоих своих значениях. Есть и ненависть к русским, и страх перед ними. Откуда же этот страх берется? Дело в том, что здесь, на Руси, не работают те масонские механизмы, которые во всем остальном мире срабатывают прекрасно. Они ведь опробованы мировой закулисой неоднократно! Все вроде рассчитали, а в России – не работает. И происходит это потому, что социальная психология, да и вообще рационалистическая наука не способна на Руси решить те задачи, которые перед ней ставят разрушители. У любой науки есть своя область применения. Для того, чтобы понять Россию, чтобы в ней осмысленно действовать, необходимо понимание законов духовного характера, полное и ясное знание о которых хранит лишь Православная Церковь. На протяжении двух тысячелетий она хранит не только откровенные свьи истинны о Боге, но и о человеке, о гармоничном общественном устройстве нашего земного бытия.*

Владыка Иоанн: Что касается объединения народа, то мне кажется, что оно в значительной мере уже произошло. Сам факт Вашего вопроса является свидетельством этого.

Сегодня все ищут, что может нас объединить. И этот поиск уже сам по себе представляет то мощное объединительное начало, которое со временем всех нас, весь русский народ сплотит вокруг извечных духовных идеалов Святой Руси. За последние годы произошло очень значительное событие в жизни России. Произошло осознание того, что мы живем неправильно. Что для исправления, чтобы мы стали жить в соответствии со своим промыслительным призванием, надо совершить определенный прорыв. И то, что этот вопрос теперь в полный рост стоит в русском национальном сознании, является очень мощным объединительным фактором.

Только не надо торопить события. Вот, например, власть в государстве. За последний год ее лозунги сменились радикальным образом. На наших глазах происходит эволюция режима в сторону национальных интересов, в направлении поиска самобытной формы государственности. Это не случайность. Сейчас многие говорят, что «наверху» просто боятся потерять власть, оттого и подстраиваются под патриотические лозунги. Допустим, так. Но ведь дело не в этом. Сама жизнь заставляет власть двигаться в нужном направлении. И этого боятся все враги России. Они знают: если ей дать возможность хотя бы десять лет мирно развиваться, многовековая, гигантская инерция народной соборности и державной государственности в тех или иных формах обязательно выведет Россию на преемственный путь возрождения Святой Руси. После всех исторических катастроф Россия всегда воз-

рождалась в новом качестве, еще более могучей и славной.

Александр Проханов: *Мне, человеку не вполне церковному, светскому, светскому, которому доводится общаться с людьми Церкви, известно суждение, что жизнь Церкви есть по существу духовная метафора жизни Иисуса Христа во всех ее проявлениях: от рождения, от бегства в Египет, от поста, от входа Господня в Иерусалим, от проповеди, от Гефсиманской чаши, от предания в руки губителей, от крестных мук и смерти на Голгофе, положения во гроб и – до Воскресения. И поскольку русский народ по существу является носителем христианской идеи, то и судьба его в течение истории тоже в какой-то степени является метафорой жизни Христа. А коли так, то различные периоды русской жизни являются как бы иконами в иконостасе жития Иисуса. Совершенно очевидно, что страшное избиение, гонения на Церковь после революции 1917 года были ее крестными муками. Тогда, наверное, та тишина, церковная, духовная, которая после этого воцарилась на нашей земле, напоминает о смерти Спасителя, о Его трехдневном уходе из мира. А потом началось что-то новое, как бы пробуждение. Не знаю, восстал ли в этом смысле Христос, отвалил ли ангел гробовую плиту, но ясно, что новый период настал. Вот какая сейчас, по-вашему, житийная икона Христова, какой этап Его жизни переживает русское общество, русский народ и русский дух?*

Владыка Иоанн: Тут нужно иметь в виду, что подоб-

ные аналогии следует проводить с чрезвычайной осторожностью и благоговением, потому что, к сожалению, даже благонамеренная часть общества, бросившись к своим церковным корням и не имея достаточного церковного опыта, иногда заходит слишком далеко в стремлении проникнуть в духовные тайны Православия. Необходима, однако, постепенность, трепетность, благоговение перед святыней и ясное осознание того, что в конце концов в основании бытия лежит тайна Божия, которая непознаваема и рационально невыразима. «Тайна сия велика» (Еф. 5: 32), – учит Священное Писание. Она может быть ощутима в рамках глубоко интимного личного религиозного опыта, когда сердце человеческое встречает, сретаёт Бога, и это личное Сретение даёт человеку некоторое понятие о том, что «ухо не слыша, око не виде и на сердце не взыдоша» (1 Кор. 2: 9) в обычной мирской жизни.

Что касается истории русского народа и тех параллелей, которые Вы проводили с Евангельскими событиями, то они, конечно, правомерны с учетом всех условностей, о которых я сказал. Крещение Руси в этом сопоставлении «накладывается» на Крещение Христа и последующий выход Спасителя на общественное служение. Дальше – те тяготы, которые переживала Русь за свою бурную историю, вызывают явные ассоциации со скорбями, притеснениями и гонениями, которые Спаситель испытал во время Своей земной жизни. Напрашивается и сравнение Голгофских страданий с тем, что

пришлось пережить нашему народу, нашей стране в XX веке. И вполне возможно, что ныне мы стоим на пороге Воскресения.

Но для того, чтобы свершилось чудо, нужна сила Веры. Если мы сможем в себе эту силу сохранить и приумножить, тогда сбудутся и многочисленные пророчества о воскресении Святой Руси... Говоря о конкретных условиях возрождения, скажем прямо: пока не произойдет воцерковления общества – Русского Воскресения в полноте своей не случится. Пока интеллигенция не преодолеет родовую болезнь – интеллектуальную гордыню, пока не признает главенствующего, спасительного значения строгих церковных форм духовной жизни, – Возрождения не произойдет.

Модернизм и либерализм губительны в области религиозного мировоззрения. Божественная истина не требует «обновлений» и дополнений. От человека она требует только усилий для ее познания, для соединения с Нею. Пока этого не будет – Святую Русь мы не возродим. Но сегодня мы еще слишком сильно заражены гордыней и своеволием, которые, кстати, и привели Россию к революции 80 лет тому назад. И ведь до сих пор считаем, что, мол, сами оступились, сами – без помощи Бога – и исправим. Нет, не исправим! И пока мы этого не осознаем, отеческий жезл скорбей, посланных Господом, будет преследовать нас, являясь орудием Всеблагого Промысла, заботящегося о нашем духовном прозрении.

Александр Проханов: *По христианскому вероучению,*

грядет конец истории, Страшный Суд, прекращение этой эры, исполненной грехов. Но до тех пор, пока Страшный Суд не состоялся, человечество, как и прежде, заботит судьба своей родины, состояние ресурсов, институтов, воинства, школ, дорог, состояние умов; люди думают о геополитике и о взаимоотношениях с соседями, и все наши чаяния замыкаются на благом устройстве своей Отчизны. Многие понимают сегодня, что стиль и характер жизни, связанные с современной земной цивилизацией, исчерпали себя. Эта цивилизация подходит к своему концу – где-то плавно, где-то жутко, катастрофично. И грядет новая ситуация на земле, новый образ жизни, который пытаются предугадать, просчитать, а кое-что даже и начать строить. Одни говорят о некоей экологической цивилизации, где всякая тварь, всякое растение будут жить в гармонии; другие рассуждают о сенсорной цивилизации, где отойдут на задний план стремления к материальному достатку и вступит в действие механизм познания религиозного, философского, иррационального; третьи имеют в виду новую суперинтегрированную землю с рациональным использованием остатков земных богатств, такой неосоциализм, такую фалангу всеземную, которая позволит сохранить всеобщий порядок. Какой образ для России истинный? Может быть, образ XVII века, когда она была готова превратиться в единый монастырь, или Россия рубежа XIX–XX веков, когда наше царство начинало обретать черты земного, материально-

го благополучия? Какой бы Вам хотелось видеть Родину?

Владыка Иоанн: Для ответа на этот вопрос надо сначала разрешить известное человеческое недоумение: в чем смысл жизни? Потому что любой идеал общественного устройства, любая форма гармонического сожительства людей на Земле возможна только тогда, когда люди живут осмысленно, понимая цель своего существования, и в соответствии с этим устроят свое земное бытие.

Церковь дает на это совершенно ясный и прямой ответ. Он, конечно же, не имеет ничего общего ни с какой «сенсорной цивилизацией», он прост, но очень труден для восприятия современного человечества, безмерно осуетившегося и погрязшего в страстях тщеславия и гордыни. Ответ этот таков: смысл и цель человеческой жизни заключается в том, чтобы вернуть себе первозданное райское состояние чистоты и святости, когда сердце человека было недоступно злу и греху, – то состояние, в котором пребывали Адам и Ева после сотворения, в Эдеме. И, главное, вернуть себе бесценное сокровище утерянного Богообщения. Один из величайших православных святых блаженный Августин сказал когда-то: «Для Себя создал нас Господь, и не успокоится сердце человеческое, доколе не обретет Его».

Взгляните: человечество постоянно мечется: воюет и пересматривает границы, разрушает и вновь созидает, стремится – само не зная куда. Эта неумемная жажда лихорадочной деятельности, жажда новшеств проистекает оттого, что

опустела святыня сердца. Душа человека создана как драгоценный сосуд для принятия даров Святого Духа. После грехопадения она их лишилась и теперь смертельно больна. Так вот – Церковь есть больница для души. И общество будет устроено здраво тогда, когда оно сделает все возможное, чтобы больница эта могла с наибольшей эффективностью, спокойно и мирно врачевать человеческие души.

Русская история знает, как для этого должна быть устроена государственная, общественная и хозяйственная жизнь страны и народа. Так, например, в России невозможно построение здоровой экономики на мировоззренческом основании «общества потребления». Это бессмысленно. Священное Писание учит: «Ищите же прежде Царства Божия и правды Его, и все остальное приложится вам» (Мф. 6: 33). Нельзя строить хозяйственную жизнь России, исходя из капиталистического принципа неограниченного воспроизводства товаров и услуг. Это абсурд. Господь сказал: «Какая польза человеку, если он приобретет весь мир, а душе своей повредит?» (Мрк. 8:36). Иная, чем сейчас, должна быть мировоззренческая основа у нашей жизни.

Все внешние блага, которые в этом мире даны человеку Богом, освящены и доступны к употреблению, в них нет ничего предосудительного, незаконного. Но мы должны ими пользоваться не для того, чтобы растлевать себя и окружающих, а для того, чтобы опираясь на благодатные свойства этого мира, которые Господь щедро в нем разлил, помочь

своей душе восстановить себя в первоначальном состоянии божественной чистоты.

Когда говорят, что консерватизм Церкви может отбросить общество на 200–300 лет назад, это глупость. На десять лет нельзя вернуться, не то что на триста. А вот восстановить в обществе ту древнюю духовную традицию, которой тысячу лет жила Россия, обязательно нужно. Религия предполагает связь человека с Богом. И так же, как имеет свой долг перед Богом отдельная человеческая личность, так имеет определенный долг перед Ним и соборная личность русского народа.

Богу, в неисповедимой премудрости Его, было угодно вверять истины веры для хранения и сбережения различным народам. Сперва они были вверены народу израильскому, но он не удержал этих истин, оказался не соответствующим своему высокому призванию и после страшного преступления богоубийства был отвержен, отстранен от святого служения. Затем это служение перешло к другому народу, «народу Божию» – христианам, первоначально сосредоточенным в державном государственном теле Римской Империи. Но когда в XII веке Рим ввел недопустимые догматические новшества и отпал от вселенской полноты Православия, служение сие у него было также отнято и передано Византии (Второму Риму). Она несла его на протяжении нескольких столетий, но в XV веке в результате мощнейшего военно-политического давления оказалась неспособной удержать должную чистоту

и пошла на Унию с католиками, т. е. допустила искажение Божественного вероучения.

Тогда преемство хранителя Истины перешло к русскому православному государству, к русскому народу-богоносцу, понимаемому как соборная духовная общность. Мы должны постоянно сознавать всю ответственность нашего служения, и, следуя ему во всем, построить жизнь в соответствии со своим религиозным долгом. Только тогда мы сумеем воссоздать ту Россию, которая нужна Богу, которая станет неким драгоценным ковчегом, хранящим в неприкосновенности и чистоте идеалы милосердия и любви, праведности и верности, щедрости и безгневия.

Александр Проханов: *Помню, в молодости я был пленен образом Патриарха Никона, а в наших кружках были такие «светские старообрядцы», у которых кумиром был протопоп Аввакум. Я был ортодоксом, государственным, никонианином, я часто бывал в Новом Иерусалиме, и вдруг меня осенило мое личное открытие: Никон ждал Второго Пришествия Христова, он хотел превратить Россию в место, куда бы опустился Новый Иерусалим. Он полагал, что Второе Пришествие просияет в России. Видно, большинство русских людей верили и ждали, что Христос придет на Русь. Что будет именно русское Второе Пришествие. И для того, чтобы как бы пригласить Христа на это место, был создан Новый Иерусалим, где на подмосковной топографии, среди подмосковных роц, у реки Истры была создана топонимика*

святых мест. Там был Иордан, Вифлеем, Голгофа, Фавор... Меня поразила грандиозность этого замысла, гордыня, с одной стороны. По существу Никон как бы изменил координаты Земли, пытаясь этим изменить космические координаты, перенеся смысл и центр истории в Москву. И если я верно понял Вас, то идеал будущей России должен сводиться к тому, чтобы уготовить через Россию место приходу Божию, сделать ее удобной Христу и в этом смысле каким-то образом приблизить образ Родины к Новому Иерусалиму – насколько это возможно в земной ипостаси...

Владыка Иоанн: Да нет, у Никона гордыни не было. Постройка Нового Иерусалима – это просто «материальное» закрепление того духовного факта, что Россия сознает и принимает свое Богоносное служение. А о Втором Пришествии излишне упрощенно рассуждать ни в коем случае нельзя. События этого должно ожидать с благоговейным страхом и душевным трепетом.

Если в первый раз Спаситель пришел «во зраке рабьем», чтобы послужить людям, то Второе Пришествие Его будет «в Силе и Славе», чтобы судить нас по делам нашим. И никому не надо будет спрашивать: «Где Христос?» – Он будет явлен всем, «яко молния, блеснувшая от Востока и до Запада». Когда православных подвижников вопрошали, как узнать антихриста, то они зачастую отвечали так: «Сыне, если ты услышишь, что куда-либо пришел Христос, то знай, что это – антихрист». Потому что когда Господь действительно придет –

это мгновенно поймут все, ибо сие будет пришествие Царя и Владыки Вселенной, Творца всего сущего, бесконечного в совершенствах Своих и премудрости Своей.

Что касается образов духовных, то тут все тоже достаточно ясно и просто: Россия как вселенская хранительница и защитница святого Православия есть «подножие Престола Господня». Это понимание зрело в русском религиозном самосознании на протяжении многих веков, а наиболее четко его сформулировал перед самой революцией наш великий святой – всероссийский праведник и молитвенник Иоанн Кронштадтский. Родиться русским, говорил он, есть дар определенного служения. Ведь в церкви нет национальностей, «несть эллин и иудей»; она различает людей только по служениям. Есть служение царское, есть – патриаршее, есть – монашеское, есть служение мирян.

Так вот, русское служение – одновременно жертвенное и героическое, высокое и скорбное, общечеловеческое и вселенское – заключается в том, чтобы до конца времен стоять преградой на пути зла, рвущегося к всемирной власти. Стоять насмерть, защищая собой Божественные истины и спасительные святыни Веры. Доколе мы помним об этом – жива Святая Русь, неодолима и страшна врагам – нашим и Божиим! А за верность долгу и понесенные труды воздаст Господь воинам Своим воздаянием великим и вечным, всех благ которого не может вместить ныне жалкое человеческое изображение.

Александр Невзоров: «ЕСТЬ БОЙЦЫ, НО НЕТ ЕЩЕ АРМИИ»

Александр Проханов: *В последнее время ты, Глебьич, совсем исчез с экрана. Это заметили все. Причем исчез настолько, что возникает ощущение какой-то «черной дыры». Она постепенно начинает зарастать паутиной, начинает рубцеваться. Но все-таки дыра, как бы от пулевого проникающего ранения, существует в эфире. Публике очень важно знать, что с «Секундами», с тобой. Расскажи обо всех этих детективах, что происходят сейчас с твоей программой, ибо вокруг этого версии, слухи...*

Одним словом, публика потеряла тебя с того самого дня, когда ты, прорывающийся к Дому Советов, был взят здесь, в Москве, где-то на Садовом кольце, а потом отпущен властями. Потом ты еще раз мелькнул на экране во время своей предвыборной борьбы и, наконец, возник в странной, загадочной, какой-то мистической роли думского человека. А что с программой? Расскажи...

Александр Невзоров: Рассказываю. Мы были закрыты официально, неофициально и вообще по-всякому на следующий же день после расстрела «Белого дома». Там слилось все: и шумейкины указы, и какой-то маразм уже наших местных руководителей. И как бы на этом наша эфирная

жизнь должна была прекратиться насовсем. Мне долго морочили голову, предлагая организовать какую-то авторскую программу. Программу, которая как бы не будет касаться политики или будет делать вид, что ее не касается. Велели переименовать. Октябрь был месяцем похорон: похорон надежд, похорон друзей – вообще месяц отчаяния. И не то чтобы я на это пошел. Такова была ситуация.

В общем я предложил «нейтральное» название для новой редакции: «Группа «Север». Они-то не знали, что так назывался блок из нескольких подразделений, защищавших «Белый дом». Но по серости своей они согласились. Теперь я как бы фактически считаюсь начальником творческого объединения «Север», но это примерно как у Проханова газета «Завтра» вместо нормальной «День». И понятно, что это вынужденный псевдоним, что он со временем исчезнет.

Что самое поразительное: у меня уцелела редакция. Она не была разгромлена, она не развалилась. Из нее не ушло, не исчезло ни одного человека, за исключением, пожалуй, Сергея Гуляева.

Проблемы с Сергеем есть, но они давно уже не самые волнующие. Он несколько раз очень некрасиво себя повел, причем в ситуации предельно сложной. И поскольку у нас в редакции суд чести и суд, скажем так, мой – а это почти одно и то же, по крайней мере, в рамках моей редакции – определяют все, мы решили, что Сергею в ней делать больше нечего. Причем мы – это в данном случае не только я. Никогда не

буду этого грязного белья выносить на публику, перетряхивать, но могу сказать, что у меня были серьезные основания. Повторяю, в тяжелую минуту и в тяжелой ситуации человек повел себя плохо. Это самое мягкое слово, которое могу подобрать.

У меня уцелел и весь комсостав редакции, и, самое удивительное, все мальчишки – операторы, осветители, администраторы, водители, – ни один человек не ушел. Они прекрасно понимают, что это очень временное положение. Что касается Курковой. Я не знаю, будет ли к выходу газеты актуален разговор на это тему, потому что, как глава Санкт-Петербургского телевидения, она должна пасть, причем в самое ближайшее время. Дело в том, что у нее такой нормальный по идее ельцинский фанатизм, но фанатизм образца августа 91-го. Такой уже не носят. Поэтому когда

Куркова появляется на балах в рюшечках этого августовского фанатизма, она, конечно, выглядит смешно и отвратительно даже для тех, кто ее на этот бал приглашает. Думаю, Белла Алексеевна – уже не вопрос, по крайней мере надеюсь. Знаю: в правительстве тоже с этим согласны. Она уже их дискредитирует. Когда вопрос с ней будет решен, механически решится вопрос и с моим эфиром. Она была мощной плотинкой, не пускавшей передачу. Все, что произошло, – на ее совести, и только на ее. И наше пятимесячное отсутствие, наш простой – тоже. Я, конечно, хочу восстанавливать «Секунды» и только ради этого пошел в Думу. Вряд ли уже буду

в них комментатором, но не потому, что это, мол, не «царское дело». Начал я свою думскую деятельность с нескрываемым отвращением. Сейчас во мне это отвращение еще более усугубилось, но тем не менее мне здесь надо быть. Какие-то детонационные в ней моменты зависят, наверное, от 3–4 человек. Поэтому бросить сейчас ее – такое же предательство, как бросить «Секунды». Буду это совмещать. Эфир мы восстановим, и все, что сделали за это время – а это почти четыре фильма, – в эфир выйдет.

А.П. Для меня «Секунды» и «День» – это...

А.Н. ...абсолютно братья-близнецы...

А.П. Не только. Это эмблема трехлетнего периода, прошедшего от беды августовской 91-го до октябрьской 93-го. И вот эти программа и газета, как два дротика или гарпуна, летели сквозь время со свистом, иногда пересекаясь, но всегда в одну сторону. Их рождение, их взлет и свистящий полет, их сожжение и исчезновение в октябре знаменовали собой завершение всего этого периода. Оглядываясь, вижу, что это был удивительный, уникальный, очень важный период, в котором, как ты помнишь, чего только не было! И ужас, тоска от крушения СССР, и абсолютное одиночество, ощущение, что в этой рытвинке остались два-три полуголушенных пехотинца, стрелявших из мосинской винтовки по целой армаде танков. И потом это воскрешение... Сначала медленное, потом грандиозное – с шествиями по Москве, с огромным вече, над которым ты витал со своей

камерой в этих сумерках, скользких, мартовских... Там были поездки в Югославию, Карабах, Приднестровье. Победа Приднестровья – там же! Там было столько отчаянного и восхитительного одновременно! И конечно, это была история общественного самопознания.

Сгорели наши с тобой две редакции, сгорели и погибли наши с тобой товарищи, были погребения, но началась новая эпоха. Какие у тебя от нее ощущения? Какие звериные ощущения от эпохи, в которой ты сам вертелся как зверь, как волчище?

А.Н. Это все равно как спросить об ощущении от всей прожитой жизни, потому что для меня основное время жизни как раз приходится на эти три года. И все, что было до этого, – только подготовка к ним. Честно скажу: первый настоящий поступок в своей жизни я совершил в январе 91-го. И многие согласятся с этим, потому что трудно даже представить себе, чтобы человек мог бросить на растерзание демсволочи, бросить под ноги неизвестно кому такую журналистскую славу, какой не было вообще ни у одного человека в этой стране... Я имею в виду репортаж из Вильнюса, сделанный мной совершенно сознательно. Все остальное было для меня уже только продолжением Вильнюса. Там мне стало все в жизни окончательно понятным. И для меня эта новая, потрясающе прекрасная эпоха началась с той осады в школе милиции, где я был вместе с вильнюсским ОМОНОм, чуть позже продолжилась штурмом МВД и осадой рижского

ОМОНа.

И вот это ощущение осады – главное, его можно было бы распространить на все три года. По сути дела моя редакция жила в состоянии войны и каждый раз на волоске от смерти, от тюрьмы.

Это только сейчас становится понятным, что мы вытворяли и какими мы были безумно дерзкими! Причем, думаю, именно этой дерзостью мы обезоруживали врага, только дерзостью и ничем другим. Им в голову не могло прийти, что за нами никого и ничего нет: ни партийного золота, ни анпиловских толп.

Ведь когда мы начинали, ни за «Секундами», ни за «Днем» не было ничего. Только безграничная храбрость, только дерзость – и эти, на Старой площади и в Кремле, садились и начинали себе до крови драть в затылке: что это такое на самом деле? Какие это организации действуют в России? Какая же сила держит на своем хребте эти «Секунды», этот чертов «День» и вообще всех этих, если они осмеливаются говорить с нами так?

И этой дерзостью была порождена настоящая русская оппозиция, этой дерзостью по сути дела воскрешен дух, что был до 91-го. Этой дерзостью были воодушевлены десятки, сотни, а потом тысячи людей, выходивших на площади. Мы имитировали наличие силы в России, наличие светлой, государственной, всепобеждающей силы, которая может даже из своего полусасыпанного окопа диктовать условия, из сво-

его полуразрушенного окопа с текущей из ушей кровью, как любит образно выражаться мой друг Проханов, требовать от бросившихся на нее в атаку десятков батальонов выстроиться для расстрела и выкопать себе ямы. Вот этим мы занимались. И это действовало!

Сейчас они, возможно, разгадали этот обман, но уже поздно, потому что – может, это мое заблуждение, но я-то считаю, что это так, – оппозицию в России породили и давали ей каждую минуту жизни именно мы.

А.П. Давай посмотрим, что же в конце концов произошло. Часть наших друзей опять сидит в тюрьме, другая – погребена или бесследно исчезла в крематории, развеяна в пепел. Однако все политические силы, все тенденции, все те тысячи и миллионы, которых ты своими «Секундами» расстревал, пробудил и поднял, есть. И в сегодняшнем русском политическом контексте все мы присутствуем, но в какой-то новой, до сих пор еще загадочной комбинации...

После танкового расстрела произошла смена периодов, как будто танк снес, расщепил верстовой столб и все двинулось, устремилось с дороги в какую-то пыльную, снежную, дымную загадочную русскую степь. Причем вовсе не потому, что уничтожили парламент, построили эту Думу, не потому, что поставили Шумейко и он в кровавых ризах сидит там, в Федеральном собрании, в Совете федерации. Повторяю: просто возникла какая-то загадочная перемена в общественном сознании, заставившая все силы, как наши,

так и силы наших противников, свитесь в некий фантасмагорический, мучительный, босхиански уродливый клубок.

Вот та поляризация, та очевидная, прямо-таки кристаллическая поляризация: мы и они, «наши» и не наши, что так великолепно было тобой придумано... – все это смешалось, все срослось с какими-то эсировиками, пуповинами, буграми, клыками в странный ансамбль. Например, что может быть фантастичнее, чудовищнее объявленной уже мэром Лужковым своей предвыборной кампании? Лужков становится президентом России!.. Стремление к нему вчерашних центристов типа Владиславлева... И этот огромный, «накопленный» Лужковым мешок с деньгами, который будет брошен на президентскую кампанию! Будут брошены купленные «Мостом» и Гусинским телеканалы и газеты. Что может быть чудовищнее и страшнее после, казалось бы, чудовищно страшного Ельцина – если не приход к власти Лужкова?

Но все это уже началось, машина уже крутится, под все это уже есть политическая стратегия, есть огромные ресурсы. Может, действительно мы через полгода или год проснемся в России Лужкова?

Вторая фантасмагорическая тема, которая была бы просто смешной, если бы уже не вышла из политических салонов, не стала разгуливать по кулуарам Москвы: президент Ельцин, оказывается, намерен стать регентом, возвести на престол наследника, которого перед нами в тече-

ние этих двух лет водили, – этого милого, очаровательно-го, смешного толстячка, на наших глазах учившегося креститься перед православными иконами...

И вот, оказывается, еще немного – и Россия опять станет долгожданной монархией с регентом Ельциным, секретарем обкома, и с молодым упитанным монархом на троне. Повторяю: это могло бы быть предметом курьезов, шуток, если бы уже не стало политической практикой. Есть проект, есть деньги, есть высшее одобрение...

Или, например, русский проект Черномырдина. Квазирусский проект, когда он, изгнав из своего окружения чикагских толстячков, вдруг обнаружил свою национальную природность, уральскую такую коренную русскость, прагматизм, связь с индустриальным строительством СССР, с прежними элитами. И вот мы имеем русский кабинет, и под него будет провозглашен русский курс. И русские писатели пойдут к Черномырдину и создадут новый план восстановления разрушенного демократами народного хозяйства. И мы клеиваемся опять в этот черномырдинский русский план...

Брошены какие-то фантомы политического сознания, абсолютно ломающие привычный мировоззренческий контекст. Вот как ты это наступившее новое время чувствуешь? Что оно для тебя? Как ты сам в него клеиваешься?

А.Н. Я в него клеиваюсь одиноко. Хотя не исключаю, что мне придется сотрудничать и как-то взаимодействовать даже с теми людьми, которые, проснувшись, выяснили, что у них

выросло что-то русское. Такое ведь тоже бывает... И, черт его знает, все равно по-прежнему одиноко...

Вообще у нас теперь с тобой дурацкая роль-то, Андреич. Роль пенить гребень очень высокой волны, которую мы с тобой подняли. Можно пенить до бесконечности, выше уже эта волна не станет. Теперь она нарастает за счет Луны, за счет мощи Океана, а не за счет нашего трепыхания в ней ручками.

То, что никогда не будет по-нашему, в этом я не сомневаюсь. Но вариант с Лужковым не пройдет. С ним нельзя, потому что на нем кровь и грязь. Это как в голливудских фильмах ужасов, когда масса какой-то муры, из которой вдруг кроваво-грязные чудовища восстают. Это исключено.

Что же касается чернявенького, сильно грассирующего, сильно картавого, сильно не такого, как надо, абсолютно, смертельно чужого, как вшитый, не знаю, кусок синтетики в ситцевую ткань, – этого так называемого наследничка, не имеющего ни капли крови Романовых и происходящего от незаконного и мало имеющего к Романовым отношения дяденьки, настолько бредово, что даже у нас не сбудется.

Черномырдин – это реальность, и, по моей информации большая и глубокая. Но все их карты спутает и расшвыряет Владимир Вольфович. Дело в том, что в России никогда по разумности к власти не приходят. В России приходят к власти либо по игре случая, а сейчас случай исключен, поскольку слишком место доходное, либо по причине фатальности фигуры.

Мы сейчас имеем только две абсолютно фатальные фигуры, причем этот фатализм легко определяется и в чьем отношении недействителен никакой компромат. Неважно какой: фотографии с голыми девками или с мальчиками в бане – все что угодно, даже фотография со съедением детей за завтраком, – ничто не подействует. Как он не действовал в отношении Ельцина, ведь масса уязвимых мест была у него как политика, а весь компромат работал на н е г о. То же самое происходит сегодня в отношении Жириновского.

И вообще будущий президент определяется по количеству всей этой шушеры, этой грязной орды вокруг него. Я имею в виду журналистов, потому что нет омерзительнее людей и нет омерзительнее профессии. Я благодарен Думе, позволившей мне в совершенно ином качестве взглянуть на людей моей профессии. Любая проститутка по сравнению с ними – белый лебедь, само совершенство и достоинство.

Вся эта мерзость под названием «пресса», когда уже появился Черномырдин, опрокидывая вешалки, от него лавиной безошибочно кинулась к Жириновскому. Эти твари запах будущей власти чуют сильнее, чем все аналитические структуры контрразведки и Кремля. Это их профессия. Это стервятники, потому что от власти всегда отдает гнильцой.

И конечно, такого президента, как Владимир Вольфович, пожелать России было бы великим кощунством. Но вне зависимости от того, будем мы его желать или нет, он, кажется, будет. У нас с ним дружеские отношения, сложные, но дру-

жеские. Если он придет к власти – это не значит, что это по-моему. Это опять не по-моему! Но мы уже подняли волну, мы израсходовали, кажется, то, для чего были на свет рождены.

Как это ни странно, я себя чувствую самолетом с полными баками. И с грустью смотрю на Гайдара: по нему видно, что он такой уже издающий неприятный, воющий звук самолет, садящийся с неработающими двигателями. У них-то действительно горючки нет, им лететь не на чем.

Думаю, что я себя как одиноко мыслил, так и буду. Моя редакция – основное мое отечество, потому что трудно ощущать все, что происходит вокруг с Отечеством.

А.П. *В своих «Секундах» ты создавал могущие, непрерывно действующие поля, работая на огромных площадях. И на них вспыхивали то театр военных действий, то наши московские непрерывные восстания, то этот последний грозный гобелен осажденного Дома Советов, Помимо этих массируемых ударов, ты стрелял и по мишеням, очень тонко, точно. У тебя была лаборатория, создающая образы, репутации или разрушающая. Ты формировал социальные маски или же их сдирал – в этом тоже была определенная технология твоих передач.*

Во многом тебе, именно тебе, положительной репутацией в патриотической среде были обязаны такие люди, как генерал Макашов, – помню твои сюжеты с ним, когда он шел к выборам, как генерал Лебедь, – помню, как ты при-

мчался к нему в трагические для Приднестровья дни, беседовал с ним и тот сказал крепкие, военные, мощные слова. Своей репутацией в патриотическом движении он обязан тебе, никому другому...

Жириновский, которого ты упомянул только что, ведь вся патриотическая пресса относилась к нему крайне настороженно, и он по существу был как бы фигурой умолчания. Даже «День» только однажды или два раза дал небольшие интервью с ним и как бы избегал упоминания его имени в патриотическом контексте. Хотя я никогда Жириновского особенно и не бранил. Ты обращался к нему в самые мучительные для него периоды, ты его сделал вот таким, как бы патриотом...

Генерал Стерлигов – это был твой любимец, ты его непрерывно шлифовал, ты ему ставил голос, походку, репутацию, лицо. И многие другие...

Теперь, после того как сгорел Дом Советов, как закончился этот период, эти вот люди, эти портреты, эти репутации продолжают существовать и жить. Мне бы хотелось от тебя услышать, как теперь ты относишься к эмблемам, символам, созданным тобой. Например, к генералу Макашову...

А.Н. Что касается генерала Макашова – я землю поцелую, по которой он ходит. И из всей этой компании, пожалуй, за исключением великой политической реальности под названием Жириновский, это единственно абсолютно достой-

ный человек. Он был полностью последователен, не занимался интеллигентщиной, рассуждениями, понимал, что перед ним его поле чести, как прекрасно выразился другой замечательный и восхищающий меня русский патриот – Александр Петрович Баркашов. И он на это поле чести вступил без колебаний – знал, что жизнь его и судьба будут играть по законам этого поля чести, что пенять на кого-то, если арестуют или убьют, смешно. Он воин и воинский долг выполнил перед Россией на тысячу процентов.

Жириновский? О нем я уже сказал. Я к нему испытываю слабость вполне понятного свойства – очень уважаю храбрых людей. Он действительно храбрый человек, потому что ни тебе, Александр Андреич, ни мне никогда бы и в голову не пришло явиться на тусовку демократов, на самую злобную тусовку, где они собирались источать слюну в тесной компании, и там устраивать скандалы. Для этого храбрость нужна!

Что касается большой моей ошибки под названием Стерлигов, к сожалению, я сейчас не могу о нем что-либо сказать. Ничего, кроме чисто внешнего факта предательства, мы пока не имеем. И предъявить ему Русское патриотическое движение тоже не может ничего, кроме того, что называется по-русски, «здригнул» в октябре 93-го. И то потому, что он был основным пропагандистом идеи, что «все хорошо – от Перми до Тавриды... от пламенной Колхиды, стальной щетиною сверкая, встают какие-то полки». Стальных полков

мы не увидели. Все обещания Стерлигова оказались либо легкомысленными заявлениями, либо ложью.

Но я этой вины с себя, кстати, не снимаю. Да, так мне тогда казалось: идея побеждающей, диктующей оппозиции, не боящейся никого, – это то, что было надо. И, как ни странно, возможно, я прав. По большому счету не раскаиваюсь, потому что все равно он был пугалом! И замечательно, что мы его поставили на своем огороде! Ну пугало, ну упало... А тот же самый огород, на котором оно стояло? Его тоже отволокло в ту же канаву порывом страшного ветра. В ту же канаву падали и перепуганные им вороны – от разрыва сердца...

Стерлигов был в его экранном, мифологическом воплощении тем, кто нам нужен был на тот день. А стало на одного предателя больше или меньше, это в октябре особой роли уже не играло. Мы все равно вышли бы на это поле чести, вне зависимости от того, обещал нам Стерлигов полки или нет. Поэтому нужно просто, как говорится в замечательной оптимистической трагедии, наплевать и забыть. Пугало поработало, пугало грохнулось. Вечная память пугалу!..

Лебедь?.. Не изменил я о нем своего мнения. Что хотите со мной делайте, пытайте меня огнем – непонятный он для меня человек. Но то, что он воин, великий воин, солдат этой страны, безусловно.

К сожалению, он властолюбив. Вероятно, больше, чем Ельцин, больше, чем Жириновский, чем все, кого мы знаем. Но это властолюбие заперто в бутылку с завинчивающейся-

ся пробкой, поэтому периодически все это вырывается. Он просто сметает преграды на пути своего властолюбия. Для него нет моего друга Вадика Шевцова, нет моего друга президента Приднестровья Смирнова, для него нет моего друга Гончаренко – для него есть объекты, стоящие, как ему кажется, у него на пути. Вопрос: на каком пути?..

Лебедь – это великая русская стихия. С точки зрения художника-исследователя – а мы обязаны оставаться еще и такими, помимо поднимателей политической волны, – это, конечно, одна из самых богатых фигур...

Макашов, так сказать, менее рельефен: там не так глубоко залегают тени и нет таких крупных каверн времени, нет кракелюров. А Лебедь – это же сплошные каверны и кракелюры, это глубоченная, мощнейшая фигура, но выглядящая сегодня в Приднестровье так же дико, как рояль в холодильнике...

А.П. Просто столкнулись как бы две наши креатуры. Мы «создавали» Приднестровье как государство, это любимое наше детище. И одновременно создавали на его фоне Лебедя. Лебедь важен ведь не тем, что он так «блестяще» себя повел у «Белого дома» в 1991 году, встав рядом с Грачевым на защиту этого прелестного здания...

А.Н. Он делает вид, что никуда не вставал. Он же хитрый, разный с собеседником, несмотря на такую солдафонскую внешность. Он смертельно хитрый, может, умнее и хитрее даже Бурбулиса...

А.П. ... И Лебедь вовсе нам как бы не важен, не дорог и тем, что в разговорах с Руцким здесь, в октябре 93-го, послал всех защитников «Белого дома» в этот костер и сказал: мол, сами заварили, сами и расхлебывайте, пропадите вы все пропадом... А он нам важен и дорог тем, что в трагический для Приднестровья час.

А.Н. ...оказался тем, кем надо...

А.П. ...Сменил этого мерзавца Неткачева, возглавил 14-ю армию. Они проделали там несколько прекрасных операций, отбили румын со всех плацдармов, и по существу Лебедь спас Приднестровье. Для нас драма – в столкновении одного любимого детища с другим: Приднестровья в целом с Лебедем...

А.Н. Да, так, согласен...

А.П. Теперь следующий вопрос. Вот ты оказался в Думе. В общем-то это нелепо для тебя, абсолютно нелепо...

А.Н. Вот именно... Сижу в кабинете, в Москве, в мэрии, мать твою, которую наши брали, штурмовали...

А.П.... Они посадили эту Думу сюда как бы в наказание, понимаешь? В этом есть еще и какая-то пытка. В роскошный «Белый дом» вселить этого Черномырдина, который только что его сжег... Это какая-то страшная ритуалистика. А сюда, в этот отвратительный стакан, в эту пепсикольную бутылку, загнать крамольную, потенциально крамольную Думу...

А.Н. Чем это она крамольная? Да никакая она не крамоль-

ная...

А.П... *Приходят сюда депутаты, тебя вижу среди них, рассаживаются аккуратно. Все это напоминает какую-то огромную баню или терму. Вы сидите даже не в пиджаках, а в каких-то покрывалах, туниках, простынях. Потеете, смотрите друг на друга. Почему-то зрелище какое-то нелепое, если не говорить – чудовищное. Расскажи, как ты крутишься во всем этом? Что для тебя Дума? Что чувствуешь ты в этом новом для себя качестве?*

А. Н. Я бы не сказал, что это напоминает мне баню, потому что в бане никогда такого количества грязи я не видел. Баня – это все-таки помещение с предусмотренными стоками, куда стекает грязь. Здесь их нет. Никуда она не стекает, просто нормально копится...

Дума робкая, Дума застенчивая, Дума – красна девица. Дума – какая-то, как это ни странно, политическая девственница, что в ней, наверное, самое непонятное. Несмотря на вроде бы такое количество бойцов, такое количество «пробитых» людей, прокомпостированных и теми, и другими компостерами – и нашими, и не нашими...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.